

Эдмунд Матер

*Нашим дорогим детям, внукам и правнукам посвящаю
Unsren lieben Kindern, Enkeln und Urenkeln gewidmet*

Автор

РАЗНОЦВЕТ 1

Стихотворения

Обновлено: 01.05.2024

Рисунки Курта Гейна и др.

© Все права у автора

Субъективная рецензия на стихи Эдмунда Матера

Как известно, многое в жизни дело вкуса. Почему лирика должна быть исключением? По этому поводу не стоит спорить, а лучше принять как аксиому. Я бы посоветовал читать стихи Эдмунда Матера и самому убедиться. Его стихи просты и понятны, поэтому «испорченные» заумными супермодернистскими стихами читателям они могут оказаться не по вкусу. Ну и что!

Как лирик, Матер не подвержен моде и является в хорошем смысле слова традиционалистом. Кажется, он пишет скорее сердцем, нежели пером, транспортирует общечеловеческие чувства, чувства, каждому из нас ведомые, житые или пережитые. Его лирике чужды модернистские течения сегодняшнего дня. Он и не претендует на модерниста, а хочет быть читаем и понятен самым рядовым читателем. Я уверен, что его стихи можно ещё через сто лет читать и воспринимать, чего навряд ли скажешь об ультрасовременных стихотворных опытах, как о лирике, подверженной капризам моды. Стоит только начать читать одно стихотворение за другим, как убеждаешься, что Матеру близки любовная, философская, гражданская лирика, а в особенности лирика о природе, вот примеры:

Из любовной лирики:

*Руки, души – снова вместе,
Как один – идём вдвоём.
Время, ты – замри на месте,
Непогоде – гимн поём!*
(из стихотворения «Под зонтом»)

Из философской лирики:

*Ставить нам легко вопросы.
Где ответ прямой найти?
Взлёт, паденья, и откосы –
Ждут нередко на пути.
Нет ответов на вопросы.*
(из стихотворения «Интересные вопросы»)

Из гражданской лирики:

*Кому беда-война
Приносит дивиденды?
Народ, открой глаза!
Очнитесь, континенты!»*
(из стихотворения «Разговор с веком»)

Из лирики о природе:

*Снегопад. В тумане дали.
Ночь ушла. Настал рассвет.
Лёг снежок. Покров хрустальный
Всё раскрасил в белый цвет.*
(из стихотворения «Первый снег»)

К тому же Матер практикует самые различные стихотворные формы: притча, как, например, стихотворение «Наплеватель»; басня, как, например, стихотворение «Мышь и ёж»; песня, как, например, стихотворение «Каноз».

Тема родины особенно свойственна его перу, например, из стихотворения «Родина»:
*Родина – слово? Родина – знак?
 Нет! Родина – много больше!
 Сердце, душа – дают о том знать,
 Чем дальше живём, тем горше.*

Но особенно трогает его печальная судьба его народа, российских немцев, например, из стихотворения «Поход в прошлое»:
*Я прошёлся по земле
 Предков на Волыни.
 Их следы нашёл везде...
 Живы и поныне.*

Лирике Матер свойственен во многих случаях шуточный, юмористический, отчасти иронический, при всём этом всё же жизнеутверждающий и жизнеутверждающий тон. Так я нашёл около 30 стихотворений, которые он сам характеризует как шутка, например, из стихотворения «Фуршет»:
*Попировать здесь себя –
 Вот их вся задача.
 Нет! Фуршет не для меня.
 Зря здесь время трачу.*

Однако, когда идёт речь о трагической судьбе российских немцев, тогда не жди пошлости, так, например, стихотворения «Трудармейцы» и «Изгнанные», которые, не удержавшись, я перевёл на немецкий язык:

Трудамейцы	Trudarmisten *
Лесоповал. Шахты. Голод. Трудамейцы. Трудармейцы. Рванный ватник. Зима. Холод. Трудамейцы. Трудармейцы.	Baumfällen. Bergbau. Not. Hunger Trudarmisten. Trudarmisten. Winter. Frost. Steppjacke-Lumpen. Trudarmisten. Trudarmisten.
Ночь и день. Всё вперемешку. Трудамейцы. Трудармейцы. Боль. Стон. Всего понемножку. Трудамейцы. Трудармейцы.	Ob Tag, ob Nacht. Alles verwischt. Trudarmisten. Trudarmisten. Schmerz. Stöhnen. Von allem gemischt. Trudarmisten. Trudarmisten.
Каторги хуже. Жить, не жить? Трудамейцы. Трудармейцы. Он? Она? Как различить? Трудамейцы. Трудармейцы.	Schinderei. Leben, nicht leben? Trudarmisten. Trudarmisten. Er? Sie? Kein Unterschied eben. Trudarmisten. Trudarmisten.
Улыбчивый оскал смерти. Трудамейцы. Трудармейцы. Канавы вместо могилы. Трудамейцы. Трудармейцы.	Bitteres Lächeln des Todes. Trudarmisten. Trudarmisten. Statt Grabstätte kahler Boden. Trudarmisten. Trudarmisten.
Хлеб, соль, слава – другим. Трудамейцы. Трудармейцы. Умер наш «армеец» рабом.	Brot, Salz, Ehre – kriegen andre. Trudarmisten. Trudarmisten. Der „Armist“ – ein Unbekannter.

<p>Трудамейцы. Трудармейцы.</p> <p>Где вы родственники наши? Трудамейцы. Трудармейцы. Где лежат останки ваши? Трудамейцы. Трудармейцы.</p>	<p>Trudarmisten. Trudarmisten.</p> <p>Wo seid ihr, unsre Landsleute? Trudarmisten. Trudarmisten. Wo ruhn eure Knochen heute? Trudarmisten. Trudarmisten.</p> <p><i>* abgeleitet von Trudarmija (Arbeitsarmee als eine militarisierte Form der Zwangsarbeit in der Sowjetunion, besonders betroffen waren vor allem die Russlanddeutschen.)</i></p>
--	--

<p>Изгнанные</p> <p>Вот комендант, в галифе, с кобурой: «Рты всем заткнуть! Прекратить этот вой!»</p> <p>И конвоиры не смотрят в глаза: «Фрицам пощады? Нельзя! Враг! Нельзя!»</p> <p>Поезд за поездом. В даль. На Восток... Знает правительство: «В этом есть толк!»</p> <p>Мы миллионы бесправных рабов В тундру загоним. В мороз. В глубь песков».</p> <p>Семьи разорваны. Сил уже нет. Некуда скрыться от горестей, бед.</p> <p>Бьются с нуждой у последней черты Малые дети, старухи, деды.</p> <p>Сколько в Сибири, под снегом, в тайге, В Азии Средней, пустынной земле</p> <p>Косточек белых осталось лежать? Время пришло, надо их сосчитать!</p>	<p>Vertriebene</p> <p>In Reithose, mit Holster der Kommandant: „Mund halten! Kein Geheul! Alle zur Wand!»</p> <p>Wachsoldaten schauen nicht ins Gesicht: „Den Faschisten vergeben? Feinde! Nicht!“</p> <p>Ein Zug nach andrem in die Ferne hin... Regierung weiß Bescheid: „Darin ist Sinn!“</p> <p>Millionen entrechtet und verbannt In die Tundra. In die Kälte. Den Sand“.</p> <p>Familien getrennt. Keine Kräfte mehr. Kein Entkommen der Trauer, Tränenmeer.</p> <p>Der Kampf gegen das Elend mit letzter Kraft Hat Greise und Kinder dahingerafft.</p> <p>Wie viele in der Taiga unterm Schnee, In Mittelasien, vom Sand verweht,</p> <p>Bleiche Knochen liegen geblieben sind? Nun ist es Zeit, sie zu zählen geschwind!</p>
---	--

Д-р Венделин МАНГОЛЬД

МОЙ РОДНИК

Терпения нет

Вновь терпения нет.
Дела просит рука.
И горит где-то Свет.
И несёт вдаль Река.

Мысли носят меня,
Как ребёночка мать.
Вмиг взметнут к облакам,
Следом скажут: «Молчать!»

Нас не смей поучать.
Всё держи на замке.
И блокнотик оставь –
Ты лежать на столе».

Эх! Не терпится мне
Взять перо и махнуть...
По немой белизне.
Но велят: «Позабудь!»

Мальчишка

По радуге вприпрыжку,
Несётся ввысь мальчишка.
Не хочет он покоя.
Он мчится за судьбою.

Кричит судьба мальчишке:
«Ты вниз взгляни, глупышка.
Бежишь ты понапрасну.
Со мной шутить опасно».

Не слышно мальчугану
Угрозы-урагана.
Он занят лишь собою.
Играет он с судьбою.

Он крылья расправляет.
Он мчится. Он летает.
Он, глупенький, не знает:
Судьба бывает злая.

И радуга печально
Укрылась в сини дальней,
Глаза свои прикрыла,
Цвета все погасила.

Мелькнула ярко вспышка.
То жизнь была мальчишки.
И в небо кто-то глянул:
«Всё чисто. Гром же грянул»?!

Деревня ты моя

Не злыдень я, не вор.
Тогда зачем тоскую?
Я вижу дальний двор
И крышу жестяную.

Иргу перед окном.
И грозди спелой вишни.
Сестрѐнку в голубом.
И прям из печи пышки.

Вот мама во дворе –
Мурлычет песню тихо.
И по густой траве –
Ведѐт гусят гусиха.

Куст розовый, большой,
Согнулся весь от ветра.
И голос озорной –
Поѐт частушку где-то.

Эх, странно всё бежит –
Без плана и порядка.
На сердце груз лежит.
И на душе несладко.

Деревня ты моя,
Зачем тревожишь душу?
Ведь не ребѐнок я,
А ты мне сердце сушишь!

Дети Пушкина

Да! Наш Пушкин – звезда в небосводе.
Он горит всеохватным огнём.
Но нельзя говорить, как о Боге
О поэте – от бога Большом.

Да! Любил он. Стрелялся на совесть,
Но удача сомкнула глаза.
Вот удар – и оборвана повесть...
И навечно померкла звезда.

Да! Любила его Гончарова!
Не оспорить сего, не отнять.
Но любила она и другого,
И не надо за это ругать.

Да! На женские хрупкие плечи
Возложили немало грехов.
Бог судья им. Но Пушкина дети –
Знали: Маму! Ланского! Любовь!

Дом

Гонит тучи косяком
Ветер надо мною.
Где-то там вдали мой дом
Скрылся за стеною.

За стеною снов и грёз
Спрятался надёжно.
А небесный «Длинный Воз»
В «окна» смотрит грозно.

И Полярная Звезда
Мне мигнула тускло:
«Эй, дружок, пора... Пора...
В дом вернуться нужно!»

Время

Время – всевластно,
Нам неподвластно,
Кружит в пространстве
В медленном танце.

Время – незримо,
Неумолимо,
Неизмеримо,
Неуловимо.

Время – возносит.
Время уносит –
За горизонты,
В Вечные Звёзды.

Встреча с Байкалом

(лето 1966)

Байкал! И слов не надо.
Дыши с гигантом вместе.
Считай сей день наградой,
Своим вторым рождением.

Байкал! Его просторы –
Нельзя объять сознанием.
А эти все красоты –
Святое мирозданье!

Байкал! И слов не надо.
Испей его водицы.
Вмиг сказка станет правдой.
И ты – как вновь родился.

Небо опрокинуто

Небо опрокинуто.
Звёзды на земле.
Всё всем опостылело.
Пыль и прах везде.

Солнце чёрной дымкою
Вновь покрылось днём.
И луна, кобылкою,
Пляшет под окном.

А по ней, как гномики,
Ползают они,
Люди-космолётчики
За – грязь – ни – те – ли.

Интересные вопросы

Существуем мы? Живём?
На болоте строим дом?
Пробежали налегке
По мещанской колее?
Интересные вопросы.

Жизнь прошла? Пропал наш след?
А идёт ли кто нам вслед?
Что отдали мы соседям,
И куда мы в жизни едем?
Интересные вопросы.

Ставить нам легко вопросы.
Где ответ прямой найти?
Взлёт, паденья, и откосы –
Ждут нередко на пути.
Нет ответов на вопросы.

Поход в прошлое

Я прошёлся по земле
Предков на Волыни.
Их следы нашёл везде...
Живы и поныне.

Лес, болото и сирень
Вторят имя мамы.
Даже дуба старый пенёк
Помнит ссылки стоны.

И берёзы встали в ряд,
Прокричали хором:
Где ты шлёлся? Эй, варяг,
Не пора до дома?

Да. Согласен. Вот он я,
К вам иду в объятья.
Принимайте в сыновья.
Не умру от счастья.

Память

Сердце взорвано волною
Чувств, палящих, как огнём.
«Верный друг, ну что с тобою,
Жить нельзя прошедшим днём.

Хватит мучить непрестанно
И душить... ведь всё прошло».
Но всё ближе, как ни странно,
Давних пор свершённых зло.

Видно мама вместе с кровью
Мне дала обиду ту,
Что теперь бессоньем, болью
Душу жалит, жжёт мою.

На астраханском базаре
(шутка)

Бёдра крепче чем у «бабы»*,
Криком глушит паровоз.
«Надо! Надо! Надо! Надо...
Астраханский есть арбуз!

Вам чего? Девчонку*? Парня*?
Ах, попробовать всего...
Вот ломочек, сладкий самый.
Может Вам подать ещё?»

Снова зычный и игривый
По базару слышен крик:
«Самый вкусный! Лучший в мире!
Съешь! И жить ты будешь век!

Не пройдите мимо, люди,
Мимо счастья своего!
Сил, здоровья вам прибудет,
От арбуза моего!»

Баба* — железная болванка, напоминающая формой грушу,
подвешивается на трос к кранам для разрушения старых строений.
Девчонка*, парень* - имеются в виду арбузы.

Поэтам

Всяк может рифмоплётот стать,
Поэтом же родиться нужно.
Ты волосы чеши и гладь,
Но от природы кудри – вьются.

Так и со словом на листах:
Писать их надо не рукою,
Рождать их в муках... и во снах...
И выстрадать их всей душою.

Пускай смеются над тобой,
И «профи» бьют высоким слогом.
Остаться должен ты собой.
Ответ ты держишь перед Богом!

Прогулка к морю
(раздумья в дороге)

Хорошо в песочке,
С внуками и дочкой,
Поваляться вместе.
Через час – на месте.

Прихватил с собою
Я, конечно, Раю.
Побываем в сказке,
Где живут все краски.
Места нет для горя,
В дюнах, возле моря.
Камыши щебечут,
Наши души - лечат.

Наплеватель

(притча)

Хорошо тому живётся,
Кто умеет цвет менять.
Всё такому удаётся
И на всех ему плевать.

Ходит он, в глаза не смотрит,
Знает, где скользнуть ужом.
И тому лишь кровь он портит,
Кто не так, как он, силен.

Бьёт налево и направо,
А обидам счёт ведёт.
Беднякам и детям малым
Никогда не подаёт.

Хорошо тому живётся,
Кто умеет цвет менять.
Но когда-нибудь придётся
И ему ответ держать.

Пройдоха

Ни стыда, ни совести.
Без Бога в голове.
Не умрёт от скромности.
Ужом пройдёт везде.

Озаряет ласково
Улыбкой всех, всегда.
Зуб вонзит, как ласка он,
Коль перед ним... спина.

Учит жизни каждого,
Но слышит лишь себя.
И кричит всем радостно:
«Любите! Вот он я!»

Борозда

(трудармейцам посвящается)

Часовые на постах
Целят в бровь и в глаз, и в пах.
Сеют страх.

Режет душу борозда,
Делит мир она на два.
Борозда.

Неужели навсегда –
В них вселилась боль-беда.
Борозда.

Ведь давно прошли те дни.
Нет в помине и войны –
Борозды.

Почему же так болит,
Всё болит, болит, болит
У старух и стариков
Борозды той старый шов.

Когда

Когда же тот наступит день,
Что вехой станет всему миру
И превратит враз в пар и пыль
Всю злость людей, их злую силу?

Когда же тот наступит день,
Что нам цветы заменят бомбы
И войн проклятых злая тень
Исчезнет в ямах, катакомбах?

Когда же тот наступит миг,
Что хлеба хватит всем голодным
И каждый, каждый человек
Счастливым будет и свободным?

Фуршет
(шутка)

Пригласили на фуршет,
Оказали честь мне.
Только радости-то нет
В пиаристом месте.

Ходят толпами кругом
Дамы и вельможи.
Блещут видом, не умом,
Вылезая с кожи.

Пропиарить здесь себя –
Вот их вся задача.
Нет! Фуршет не для меня.
Зря здесь время трачу.

Мэтры и Мэтрицы (шутка)

Мненье Мэтров и Мэтриц
Нам дорогу торит.
Сей большой «Наркозный шприц»
Нас по кругу водит.

Дружно ходим мы толпой
По указке сверху.
Под всеобщий громкий вой
Жить привольно Мэтру.

Коль какой лихой смельчак
Вздумает быть вольным,
Плетью по лбу, да в растяг,
Мэтр исхлещет больно:

„Знайте, люди, свой шесток,
Выше путь – заказан.
Каждый самовольный шаг –
Строго мы накажем“.

Дерзким просто места нет
В нашем государстве.
Всякий пусть свой крест несёт
Гордо, но в упряжке.

Загадка (шутка)

Девушке дарили звёзды,
По утрам – Зарёвый Цвет!
А она, на все вопросы,
Говорила: «Скучен свет,
И веселья в жизни – нет».

Женщине дарили ласки.
Одевали, как на бал.
И всегда, как в дивной сказке,
Муж пальто ей подавал,
И, поверьте, дома спал.

А чего ей не хватало
В жизни ладненькой такой?
Ведь всего с избытком было.
Сладкий мёд – бежал рекой.
И подружек – вился рой.

Изгнанные

Вот комендант, в галифе, с кобурой:
«Рты всем заткнуть! Прекратить этот вой!»

И конвоиры не смотрят в глаза:
«Фрицам пощады? Нельзя! Враг! Нельзя!»

Поезд за поездом. В даль. На Восток...
Знает правительство: «В этом есть толк!»

Мы миллионы бесправных рабов
В тундру загоним. В мороз. В глубь песков».

Семьи разорваны. Сил уже нет.
Некуда скрыться от горестей, бед.

Бьются с нуждой у последней черты
Малые дети, старухи, деды.

Сколько в Сибири, под снегом, в тайге,
В Азии Средней, пустынной земле

Косточек белых осталось лежать?
Время пришло, надо их сосчитать!

Конёк-Горбунок

Эх! Конёк ты горбунок!
Добрая лошадка!
Не забуду я никак
Образ твой из сказки.

Снятся часто по ночам
Быстрые копытца
И по их, по их следам
Мчится сон мой, мчится.

Я скачу с дружкой опять
В прошлое, бывшее.
Хорошо во сне летать
В детство золотое!

Ель, сосна, берёза
(шутка)

Ель, сосна, берёза
Спорили в лесу.
«Вся ты, как заноза», –
Ель корит сосну.

Та в ответ, с сарказмом:
«Да, куда уж нам,
С каждым Новым Годом
Вам почёт, лишь вам.

Рубят вас и ставят
На потеху всем,
А потом вывозят,
Как старьё, как хлам».

И вдвоём берёзку
Взяли в оборот:
«Ведь твою серёжку
Лишь барсук жуёт».

Нет, подружки-сёстры,
Вы здесь не правы.
Ель, сосна, берёзы –
Очень всем нужны.

Гость нездешний

Гость, жилец нездешний,
Утром, на заре,
Птица-Пересмешник,
Дарит песни мне.

Трели льёт негромко,
Нижет нить на нить.
«Птица, будешь сколько
Песни нам дарить?»

«Эх! Не жалко, друг мой,
Радость вам дарить.
Их несите в дом свой,
Легче будет жить».

Синь-Птица

Полетели птицы,
Унесли с собой
Из моей темницы
Крик души живой.

Братья, братья-птицы
Взяли боль мою,
Прямо в небо! В звёзды!
В Синеву свою!

Синий цвет! Синь-Птица –
Символ жизни всей.
С Синевой, с Синь-Птицей –
Жизнь моя светлей.

Мнения

То ли путы на ногах?
Иль в трясине ноги?
Может, сетка на мозгах?
Брошен я на дроги?

Нет! То мнение людей,
Давит, режет душу.
Убежать бы поскорей.
Сбросить груз сей, ношу.

Тяжелее камня тот
Взгляд людей прохожих.
Говорят: «Он обормот,
На глупца похожий».

Может, правы люди те,
Что меня ругают.
Знаю точно, на земле
Точки **ОН** расставит.

Ввысь

Вы меня не хороните!
Я прошу – не надо.
На свободу отпустите,
Но, побудьте рядом.

Молча, тихо помяните
Вы меня без криков.
Глубже в душу загляните
Без печальных всхлипов.

Прянут ввысь и вспыхнут ясно
Искры-звёзды в небе.
Тотчас станет вам понятно:
Он – покинул Время!

У запертых дверей

Ветер свищет в проводах,
Хочет он сказать:
Дело не в твоих делах,
Должен ты понять.
Ты у запертых дверей
Замер и стоишь.
В дверь мечты-любви своей
Ты – не постучишь.
Знак подай. Ты закричи
О своей тоске.
Голос скажет из тиши:
«Нужен! Очень! Мне!»

На реке

(борт теплохода «Тарас Шевченко»)

Разведённые мосты.
Теплоход.
Вдалеке огни видны.
Дождь идёт.

Как по лестнице бегут –
Вдаль суда.
Всё несут, несут, несут
Нас. Куда?

Да, торопимся мы жить.
Но зачем?
У Порога всем нам быть.
А затем?

В дорогу

(борт теплохода «Тарас Шевченко»)

И бьёт копытом конь во мне,
И мысли все вразброд.
И вновь поклон своей земле –
И в путь. Скорей вперёд.

И музыка прощальная,
И слёзы на щеках,
И вьёт дорога дальняя,
И в ямах, и в буграх.

И вновь бежит, неровная,
Дороженька моя.
И снова, снова, снова я –
В чужие мчусь края.

1 сентября 2004

(Россия. Теплоход «Тарас Шевченко»)

Праздник школы. Торжество.
Платья. Кружева.
На дворе тепло, светло.
Вдруг, как гром, беда.

Взрыв. Огонь. И крик, и стон.
В спину бьют стволы.
Не в глаза, вдогон, вдогон –
Зверя взгляд, совы.

Кто имеет право бить
Пулями детей?
На земле таким – не быть!
В ад их! И скорей!

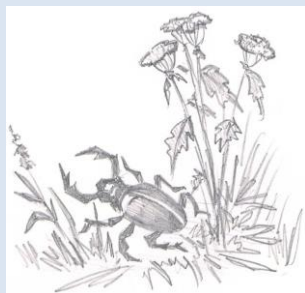
Путь

Сверху нам, вперёдсмотрящий,
Говорит, что век грядущий
Волю слова всем несёт.
Ну-ка, дружно, все вперёд!

Взор вперёд, а не обратно.
Думать всем, но адекватно.
Раз, два, три, четыре, пять...
Шире в ногу всем шагать.

Хорошо в строю тесниться,
Как одно у всех здесь лица.
Всё потопчем. Всё побьём.
Кто не с нами, тех – сомнём.

А своих всех наградим мы.
Напоём – хвалу им, гимны.
Сих вояк спроси народ,
А куда ваш путь ведёт?

Жук и бабочка
(шутка)

Жук в траве высокой
Домик мастерит.
В синеве глубокой
Бабочка парит.

Жук кричит ей снизу:
«Любушка моя,
Приготовил мёду
Здесь я для тебя».

„Эх, глупец рогатый,
Глянь же ты наверх,
Шмель большой, лохматый
Мне дороже всех.

Со шмелём мы рядом
В паре колесим.
И, когда нам надо,
Сладкий мёд едим».

Обрыв

Прокрустово ложе.
Во сне, как в аду.
Вдобавок к тому же –
Стою на краю.

Стоять над обрывом,
Поверьте, друзья, –
Что драться со зверем,
Не прятать глаза.

Жуть. Страх. И желанье –
Победы достичь.
И боль, и томленье –
Мне быть иль не быть?

Стадо

Да, жить – удобно в стаде!
Жуя, плодись, дыши.
И, как в большущем складе,
На полку мысль клади.

Поспевшие, рядами
Лежат они кругом.
Но знай, что обливали
Их круто кипятком.

Всю соль из мыслей умных
Сумели удалить
Властители всех стадных.
Удобно в стаде жить.

Ромка и подпасок
(шутка)

Застучал по листьям дождь
Весело и громко:
«Ты куда меня несёшь,
Рыжий друг мой Ромка?»

Чутко уши наострил,
Глянул синим глазом,
И, копытом со всех сил
В лужу... да с размахом.

«Ну, проказник, Ромка-друг,
Я тебе устрою,
Ты испробуешь мой кнут,
Им тебя „умою“».

А конёк мой горбунок,
Зубы скалит шумно:
«Ах, подпасок, мой дружок,
Это ведь неумно.

Кто укроет от дождя?
Кто подставит спину?
Защитит ли кто тебя
В чёрную годину?
Лучше ты меня не бей,
Кнут сверни в колечко.
Обними и пожалей.
Друг я твой – навечно!»

Журавли

Пролетели журавли.
Тишь. Умолкла песня.
Часть моей живой души –
Птицей! В поднебесье!

И кричу я громко вслед:
«Птицы, вам – не надо
Брать с собой мой груз обид,
Их носить – накладно.

Вас измучит, вас сожжёт,
Груз – невыносимый».
Но вожак вперёд ведёт
Клин свой журавлиный.

Не послушались меня
Птицы в поднебесье.
Улетели навсегда,
Взяв с собой звон-песню.

Пожелать могу лишь я
Клину острокрылых:
«Обойдёт вас пусть беда
Выстрелов смертельных!»

Му'ка

Приходишь – ночью, днём,
Одета, нагишом.
«На плаху и в стихи, –
Кричишь, – меня возьми!»

Доколе мне так жить,
И как с тобою быть?
Любить тебя иль бить?
Навек тебя забыть?

Ты мучаешь меня –
Не год, уже века.
Оставь меня! Уйди!
Не бей меня! Не жги!

Колхозник

Худошав, лицо помято,
Руки, как кнуты, длинные,
Голос тих, звучит невнятно –
Жизнь оставила следы...

На завалинку присел он,
Пальцы на живот сложив,
Представитель миллионов,
Не ленив и не спесив.

Он устал, колхозник смирный,
Наш кормилец трудовой.
Почему же так чванливо
Мы обходимся с тобой?

Ты кормил страну всю хлебом,
Нам на платья лён растил.
Непослушным в жизни не был.
Что за это получил?

Обзывают тунеядцем,
Бранным словом все, всегда.
А вписать должны бы в святцы,
Как святого, мы тебя.

Дом скворчонка

Дождь прошёл. Промчался
Громко по листве.
Вмиг скворчонок скрылся
В домике-дупле.

Под бочок он мамин
Спрятал носик свой.
Пусть стучит упрямо
Дождик за стеной.

Не достанет злыдень –
Скворчика-мальца.
Дом родной – обитель!
Крепость! Не тюрьма!

Кража

Острее финки –
Дружка оскал.
«Утонешь в юбке», –
Он мне сказал.

Не верю другу
И ясно мне:
Его подругу –
Возьму себе.

Украл, унёс я –
Его красу.
Как знамя счастья –
Её несусь.

Она прекрасна!
Здесь спору нет.
И друг напрасно –
Кричит мне вслед:

«Ты вор. Убийца.
Она моя».
Она смеётся:
«Люблю! Твоя!»

Вопрос
(шутка)

Вы слышали люди
Присказку одну:
«Не держите двери
Вечно на замку».

«Как? Когда? Зачем же
Двери открывать?
Ведь убить нас может
В ночь глухую тать.

Да и всяк прохожий –
Глянет в двери к нам.
Ведь проход свободный
Сделаем вора́м.

Иль попросит хлеба,
Нищий у двери.
Может, прямо с неба,
Аист залетит.

Занесёт нам ворох –
Шумной детворы.
Упаси нас «сторож» –
Вечно от беды!

Мы уж лучше двери
Будем запи́рать.
Без замка лишь звери
Могут, в норах, спать».

Разговор с веком

«Куда несёшь нас, век?
Подай нам – хлеба, крышу».
Народу век в ответ
Кричит: «Я вижу! Слышу!»

Я вижу как чехлы
Срываются с ракеты.
Я слышу крик мольбы
Попавшей в сети птицы.
Я вижу как с тоской
Малыш глядит из гетто.
Я слышу волчий вой
С трибун, стоящих где-то.

Кому беда-война
Приносит дивиденды?
Народ, открой глаза!
Очнитесь, континенты!»

У могил безымянных трудармейцев

Над канавой – полынь.
«Не спеши, сын! Остынь!»

Это в сказках сама
Умирает беда.

Ну, а в жизни земной –
Нужно драться с бедой.

Не жалея всех сил,
До конца! До могил!

Как когда-то и мы,
Трудармейцы-бойцы,

Били прямо ей в лоб,
Зная, время придёт...

Подрастёте, сыны!
И не будет – войны!»

Миг счастья

Лес. Деревья голы.
Ждут весны приход.
Солнце шлюзы-створы
Настежь, вширь ведёт.

Хлынуло пожаром
С неба вдруг тепло.
И... лучи... все разом...
Греют грудь, лицо.

Ах, как жить прекрасно
На земле родной.
Радости и счастья
Миг – замри, постой!

Подайте коня

Сильно, больно, жестоко,
Мысль терзает меня,
Манит, тянет куда-то:
«Сядь. Ты сядь на коня!»

Конь, гремя удилами,
Сфинксом встал и затих.
Конь понёс над степями,
Он сплетает скок-стих.

Бьёт копытами чётко
Конь крылатый во мне.
А наутро мне горько:
Конь – явился во сне.

Песня Анны

Анне Герман посвящается

Песен много в нашем мире.
Есть – гремят. Есть – бьют, как кнут.
Есть пустышки. Есть живые.
Больше века – есть – цветут!

И сегодня песни греют,
Те, что пели нам давно.
Вновь душа живёт, светлеет –
Вижу Анну, как в кино.

Голос мягкий, звучный, близкий.
«Анна, спой же про сады".
Преклоняюсь перед песней,
Улетаю с ней в мечты!

У озера
(Padersee)

По-над озером туман.
Тихий шелест по песку.
Вяжут мысли свой романс,
Им перечить – не могу.

Нега, тишь и благодать!
И гортанный крик вдали.
Чайки учатся летать,
Режут гребень у волны.

Хорошо! Душе покой –
Водяная гладь несёт.
Светлый миг, замри, постой!
Не закончен мой поход.

Вьюга

(в лесной избушке)

За стеной хлопочет вьюга,
Вьётся-кружит во дворе.
«Эй, мороза дочь! Подруга,
Исповедуйся-ка мне».

Приумолкло за стеною.
Вдруг, как в сказке, слышу я:
«Эх, беда! С тоски я вою,
Ты возьми к себе меня.

Буду верной я рабыней!
Зацелую! Залюблю!
Верный друг мой, белый иней
Разукрасит нам избу».

Убедила дева-вьюга.
Распахнул я в темень дверь.
Издалёка, ниоткуда:
“Человеку, дочь, – не верь!!!“

Конь-Птица

По-над степью ветер кружит
Гладит кудри ковылю,
Травы тучные утюжит,
Чешет гриву Жар-Коню.

Два соперника, два брата –
Спор ведут уже века.
Обгоняет струи ветра
Бег лихого скакуна.

Необуздан конь Жар-Птица
И не носит он шлею.
По степи своей несётся –
Нет соперников ему!

Первый снег

Снегопад. В тумане дали.
Ночь ушла. Настал рассвет.
Лёг снежок. Покров хрустальный
Всё раскрасил в белый цвет.

Хорошо гулять по снегу.
С хрустом вяжутся следы.
Тихо шепчет день рассвету:
«Всё! Пора! Ты уходи!»

Солнце глянуло несмело
На деревни, города:
«Время года – поменялось.
Миром правят – холода».

Птицы

Не нужен мне берег турецкий.
Mallorca* не манит меня.
Без обуви, так же как в детстве,
Люблю побродить по полям.

В лесах нахожу я отраду,
Где птицы живут и поют.
Нет большей и лучшей награды –
Быть там, где меня очень ждут.

Друзьям всем кричу я пернатым:
«Не надо бояться меня.
Завидую вам я, крылатым.
Возьмите с собой в небеса!»

**Mallorca – Мальорка, Майорка -
остров в Средиземном море*

Нет замены

Замены нет словам простым:
Надежда, Вера и Любовь!
Горит душа огнём живым
И верят в чудо люди вновь!

Любовь – как пламя, как огонь!
Надежда – под золою жар!
А Вера – помощь тем двоим,
Которых охватил пожар!

Пусть в вечность же войдут слова –
Надежда, Вера и Любовь!
Нет в них – плохого! Нет и зла!
Они волнуют вновь и вновь!

Узда

Меня усмирить пытались:
«Мужик, ты уж больно строптив».
Мораль читать мне старались:
«Ты тёмный, плохой негатив.

Не сделать с тебя картину
И фото с тебя – размазня!
Ты бродишь с сумой по миру!
Ты в зеркало глянь на себя!

Ты нос суёшь свой повсюду!
Ты вертишь словами – как псих!
Ты дай покой же народу!
В уздечку, в ярмо бы таких!

Пахать на тебе бы надо,
Как пашут в селе на быках!
Кнутом отстегать тебя бы,
Познал бы, что есть ужас-страх!»

Ну что ж, правы видно люди,
Пора бы уж взяться за ум.
Но бьются пленённые мысли,
Всё рвут, как на море – самум!

Одинокий ветер

По полям, по косогорам,
По горам, под небосводом,
Бродит ветер-одиночка,
Ищет сына, ищет дочку.

У бродяги нет наследства.
Тяжела судьба у ветра.
Обречён он на мученья,
Одиночества страданья.

Помогите ветру, люди!
Позовите ветер в гости!
Не забудет век он это,
Станет верной вам защитой.

Беспорядок

(шутка)

Ямб Хорею так глаголит:
«Рифму ты вязать не можешь».

А Хорей, большой упрямец,
Свой нащёлкивает танец.

Душит Дактиля обида –
Средь больших его не видно.

Трём владыкам строк и песен –
Мир поэзии стал тесен.

Враз забыли все про шутку –
Бьют всерьёз, под дых, под «дудку».

Всем поэтам, очевидно,
Очень горько и обидно:

«Правил нет! И нет порядка!
Вкривь и вкось идёт всё как-то».

Хор ветра

Прощайте, дали Казахстана!
Прощай, мой ветер, – брат и друг!
Я слёз своих скрывать не стану,
Когда к барьеру поведут.

Вдохну последний раз тот воздух,
Которым много лет дышал.
Душа моя, упрямый неслух,
К пределу – подведёт накал.

Вот с трапа, словно с эшафота,
Я гляну на вершины гор.
И грустно, вымученно как-то,
Неслышный пропоёт мне хор.

Не реквием и не частушку
Мне ветер в этот раз споёт,
Толчок душевный, чувств всех вспышку –
Подарит. И душа - в полёт!

И детство, юность, зрелость, годы...
Как молния мелькнёт всё враз.
«Земле отдай долги-поклоны!», –
Услышу ветра я наказ.

Мечты

Я гонялся за звонким ветром
И на облаке мчал напролом.
Это было далёким детством,
В крае дальнем, родном, золотом.

Эх! Вы, мысли, шальные мысли,
Не даёте свободно дышать!
Вот опять в небесные выси
От меня вы хотите сбежать.

Зажму вас я в крепкие клещи,
Всем надену приличный костюм.
Но сказал тихо голос вещей:
«Заморозишь так, сын мой, свой ум!»

У пустоши

По былой деревне –
Ветры пыль метут.
Дед на таратайке –
Едет, держит кнут.
Кнут лишь для показа
Он с собой везёт.
У его саврасой –
Как отмерян ход.
Сто шагов в минуту –
Не сверяй часы.
Будь то вечер, утро,
Хоть совой кричи.
Дед, богатый жизнью,
Видел он всего.
Били, часто, плетью
До смерти его.
«В тюрьмах да канавах –
Многие из тех,
С кем я на задворках –
Бился... – для потех.
Эх! Деревни прежней
Нет уже давно,
Было время – песней
Славилось оно.
Где теперь девчата
И ребята те?
На какой сторонке
Все лежат в земле?
Жертвы!.. Трудармейцы!
Вам – поклон земной!
Пусть вовек хранится –
Подвиг ваш большой!»
Дед Мартын рукою –
Слёзы стёр с щеки.
«Ну! Зачем я вою?
Не вернуть те дни!
И деревню эту –
К жизни не вернуть!»
Он в сердцах, сердито,
Бросил к ямам кнут.

На полянке

(картинка)

Ручеек течёт, ворчит.
Солнца лик среди облаков.
Дятел молотом стучит,
Добывает червяков.

Трясогузка, впопыхах,
Позабыв махнуть хвостом,
Крылья выбросив вразмах,
Враз исчезла за кустом.

Серый шарик... чик-чириккк —
Шмыг на веточку сосны.
Растворился в иглах вмиг.
Кто ж зачинщик сей игры?

Ах, пострел, проказник ёж,
На поляночке лесной,
Иглы выставив, как ёрш,
Занимается игрой.

Куцей лапкой захватил
Он усатого жука,
А другою не успел —
И... закончена игра.

Жук, сердито загудев,
Закружился над ежом.
Из ветвей злой птичий смех:
„Поделом! Уффф... Поделом!“

Долги

Эх! Жизнь без края!
Судьба шальная!
Но не вернуть назад те дни.

«Судьба родная,
Тебя молю я:
Зачем так гонишь? Ты погоди».

Она вздыхает:
«Я знаю, знаю,
Мой долг – с тобой весь век идти.

Тебя спасая –
Мосты сжигаю!
Несу с собой – твои грехи.

Ты помнить должен,
Чем мне обязан.
Твои висят – на мне долги!»

Не забава

Не любитель шуток
Ветер-ураган.
Вёсла рвёт у шлюпок,
Словно хулиган.

Гнёт в дугу он мачты,
В ключья парус рвёт.
И бросает волны,
Как снаряд, о борт.

Не игра-забава –
К шторму в сеть попасть.
И нужна удача –
Нить беды порвать.

Лиса и семья (басня)

Лев, собака, кот и гномик
Жили вместе, как могли.
Лев – добытчик, лучший в доме –
Закрома всегда полны.
Пёс всех в доме лаем будит,
Коль воришка на дворе.
Кот и гномик суп готовят,
В кухне на большой плите.
Все довольны и все сыты,
Споров тоже в доме нет.
Есть вино и есть котлеты,
Нет ни горестей, ни бед.
Попросилась на постой к ним
Ярко-рыжая лиса,
С маникюром-педикюром,
Как топаз, горят глаза.
Гному сразу места мало
Стало в домике родном,
Гостя площадь захватила,
С псом лишь дружит и с котом.
И пошла потеха в доме:
Машет гостя льву хвостом.
Льва глаза – остекленели,
Недовольны пёс с котом.
Разругались все до драки,
А лисы и след простыл.
Поглядели... Ох! И в банке...
На счету... остался – нуль!
Все средства, как ветром, сдуло...
Здесь мораль стоит столбом:
Всех плутовка обманула.
Виноваты – все! Кругом!

Раздумья

Меня ружьём убить непросто,
Умею я и сам стрелять.
Боюсь я друга с миной постной,
Который может лишь стонать.

Меня обидеть можно смехом,
С ума свести и в злость загнать,
И взять в полон одним лишь словом,
Святым, несложным словом – мать!

Не выношу я окрик злобный,
И матерщины грязный гам,
А за свободы воздух горький,
Я без раздумья жизнь отдам.

Я не герой, не видный рыцарь,
Простой мужик и Человек.
Покуда сердце может биться,
Пусть будет разум – верен мне!

Живность и человек (басня)

Крот в земле доволен жизнью,
Сыт, укрыт и обогрет.
На рассвете, днём и ночью
Он находит свой обед.

А орлу жилище это –
Хуже смерти и тюрьмы.
Дом его – без края небо,
Видит всё он с высоты.

Под землёй и в небе тесно
Стало птицам и зверью –
«Окультуривают» небо,
Перерыли землю всю.

Живность просит человека
Разрешить наследства спор:
«Люди, выделите место,
Где нам строить дом и двор».

На суде, в возникшем споре,
Современный человек,
В раззолоченной сутане,
С помпой речь свою ведёт:
«Вы всю землю захватили
И тесните нас кругом.
Все леса, поля забрали,
Что же нужно вам ещё?
Мы и так добры без края,
Все теснимся в городах,
В этажах-клетях страдаем,
Без комфорта, как в гостях».
В этой басне всё неясно
И морали тоже нет.
Самому себе, почаще,
Ставь вопросы, человек.

Под зонтом

Непогода хлещет, злится,
Бьёт со злом своим кнутом.
Бедной некуда деваться:
Нет ей места под зонтом.

Ну, а мне с тобой приятно
Находиться под дождём.
Я не чувствую прохлады –
Греешь ты меня плечом.

Руки, души – снова вместе,
Как один – идём вдвоём.
Время, ты – замри на месте,
Непогоде – гимн поём!

Любовь и ревность

(притча)

Говорят, любовь и ревность,
Как в цепи – к звену звено
И ни младость, и ни старость
Не спасают от того...

От того, что жалит, режет,
Сердце рвёт напололам,
Бьёт, как злобный, буйный кречет,
Обжигает душу тем...

Тем, кто любит без предела,
Тем, кто любит – как горит.
Только б ревность не сумела,
Как врага, любовь убить.

Человек меняет кожу
(притча)

Человек меняет кожу,
Незаметно, изнутри.
И процесс такой, снаружи,
Очень трудно проследить.

На лице – улыбка светит.
Добродушием цветёт.
А в кармане пальцем вертит:
«На... возьми-ка, идиот!»

Жаль, такого аппарата
Не придумали ещё,
Что всю сущность человека –
Выдавал бы налицо.

Школа

Мальчишки, девчонки,
Как стаи пичужек,
Бегут спозаранку,
По наледям-лужам.

Ледок хрупкий, ломкий,
Зеркально сверкает.
Звонок школьный, громкий,
Всех в классы сзывает.

Хорошее время –
Счастливое детство.
Пора возмужанья –
Назад не вернётся.

Услужила память

Услужила память злобно:
Обескрылила надолго.

В позабытое давно –
Вновь распахнуто окно.

Всё бегут картины-кадры,
Дни... и месяцы, и годы.

И секут, как пастухи,
По душе моей грехи.

Всё твердят: «Ты жил угарно.
Был ты личностью бездарной.

Нужен ты кому такой,
И гордится кто тобой?»

Громко памяти кричу:
«Жить иначе – не могу».

Скорлупа

Я устал от лживой ласки,
От улыбок и гримас.
Эх, пожить хоть раз бы в сказке,
Или же в стране чудес.

Бармалей меня пусть мучит,
Иль упырь мне кровь сосёт.
Пусть плохому меня учат...
Как они, я буду плох.

Поменяю враз я кожу,
Буду жить под скорлупой.
Корчить всем кривые рожи –
Их не видно под бронёй.

Вежлив буду и пристоен,
С виду – прямо образец.
А внутри – неясен, тёмнен,
По простому – гад, подлец.

Под бронёй легко живётся,
Ничего ведь не видать.
А мораль? Да! Счёт ведётся:
Будем все – ответ держать.

В колхозе

(шутка)

Наш колхозник – человек,
А не просто буква.
Он трудиться - будет век,
Говорит наука.

Хорошо идут дела,
Лучше быть не может.
На бумаге – колбаса,
Платья – сплошь в горошек.

«Москвичи» и «Жигули» –
Ждут – всего полвека,
А из кожи сапоги –
Всё в дороге где-то.

Да, везут товар для них,
Только... не довозят.
Все стоят толпой у касс –
Так, как нищий просит.

Хорошо в колхозе быть,
Все стоят в линейку.
Коммунисты учат жить.
«Эх! Вступлю в ячейку!»

Ветерок

Ветер – шкода и насмешник,
Теребнул чубы ребят,
Тронул веточкой скворечник,
Платья вздёрнул у девчат.

По двору промчался лихо,
У печи дымок украл,
И, как вор, бесшумно, тихо,
Прямо в дом его загнал.

Эй! Горим! Пожар! Тревога!
Ветер в тот же миг исчез.
Из печной трубы, спокойно,
Тянет в небо – дыма вязь.

Родина

Родина – слово? Родина – знак?
Нет! Родина – много больше!
Сердце, душа – дают о том знать,
Чем дальше живём, тем горше.

Родина – это и пыль дорог,
И розы по-над забором.
Пряди серёжек у всех берёз
И ветер, что жжёт морозом.

Яблок рассыпчатых полный сад,
Соседей негромкий говор.
Всё это вместе, в узел, собрать –
Мы Родины слышен голос.

Звонки

Голос твой – судьбы подарок, –
Тих был, вежлив и не ярок.
С ним неслась волною радость,
Всех обид смывая гадость.

И надежда вновь не гасла.
Места не было и грусти.
Я за голосом негромким
Мчался мысленно вдогонку.

Ночью, днём и на рассвете
Жду звонки я вечно эти.
Всё напрасно, нет сигнала.
Для тебя – меня не стало.

Сойка

Громко стонет сойка,
Душу болью жжёт.
«Почему так горько –
Птаха, в крик, поёт?»

Помолчала птица.
Выдохнула вслед:
«Лес мне стал темницей.
Счастья больше нет.

Мой дружок милый
В городе живёт.
Бросил нас. Покинул.
Сыт и обогрет».

Не узнает сойка
Правду о больном –
Пойман друг был сеткой,
Силой уведён.

Птицелов коварный
Рано, на заре,
Погубил умело –
Песню на крыле.

Перепёлка и коршун (притча)

Перепёлка по утрам –
Набирает высоту.
Дарит песни всем подряд,
Не взирая на наряд.

Когти быстрые, клюв острый.
Их удар – беззвучный выстрел.
Коршун кружит. Коршун вьётся.
Жертва для него найдётся.

Птица певчая, смотри –
Коршун когти наострил.
По-над лесом шёл – охотник...
Камнем падает – разбойник!

У реки

Парк наш у реки,
Детство позади.
Осень! Листья! Дым...
Прошлым пахнет он.

Вновь горит душа.
То не боль-беда.
Нет, пожар другой
Мучит нас с тобой.

Да, настал тот миг,
Громко, напрямик,
Нам сказать о том,
Что горит давно:

«Не туши огонь!
Все сомненья вон!
Ты люби меня,
Не жалея огня!»

Вязь

Писали вязью письма,
Сказанья, сказки, имена!
Тянулась связь через века,
Заслуга вязи здесь видна.

Забыта напрочь вязь давно.
Сей век прожить ей не дано.
Ушла, оставив только след,
Который в глубь веков ведёт.

Уводит след нас в старину,
И нижет время на строку.
Сигнал так вязь передаёт:
«Назад смотри – идя вперёд!»

Тати

Людишки, на этом свете,
Бросают на ветер слова
И... как тати, ставят сети,
Интрижек плетут кружева.

Невидимы злобы сети.
Бесцветны и лести слова.
Преграды, запруды эти –
Зараза, холера, чума.

Увидеть как людям сети?
Есть средство простое для всех –
В глаза глядеть татям этим,
Убив, как шакала, свой страх.

Вяз

Вяз, накрытый листьями,
Как шалаш стоит
И мечтами-думами
В небе он парит.

Хорошо ему летать
В море голубом.
А с пилой, мужик, как тать,
Свой покинул дом.

На земле сошлись пути...
Царь здесь – человек.
Не помог шалаш листвы...
Вяза – больше нет.

«Игры»

Детский крик. Играют? Спорят?
Может корку хлеба делят?

Нет! Игра идёт – на жизнь, смерть.
Здесь забава детям – боль, плеть.

Эх! Какое развлечение...
Может, случай? Совпадение?

Нет! На случай не сослаться,
Больно много учат драться –

Телевиденье, киношки,
«Поучительные» книжки.

Ради денег, ради славы,
Ради сладенькой наживы,

Из детей – зверей готовим,
Пищей злобы – вдоволь кормим.

Бродяги

Бичи, бомжи и бродяги –
Не бриты, грязны, доходяги.

Бредут по земле... по жизни,
Как жертвы немой нашей казни.

Рюкзак, со скрипом тележка.
Бородка – седая манишка.

Лицо – икон отраженье.
В глазах их – сплошное мученье.

Живут – одни... одиноки....
По жизни – несут только ноги.

Куда свой путь они держат?
Кем сломан душевный их стержень?

Трын-трава

На земле разрослась вширь трава,
Захватила – село, города.
Безобидная с виду она
Трын-трава, трын-трава, трын-трава.

Хорошо с трын-травой всем жить –
О морали не надо тужить.
Выручает во всём и всегда
Трын-трава, трын-трава, трын-трава.

Равнодушие всюду царит.
Без стрельбы всех в полон-плен берёт,
И не плачет при этом душа.
Трын-трава, трын-трава, трын-трава.

Ключ Оттилии
(Ottilienquelle, Paderborn)

Ключ прозрачный, ключ волшебный –
Силу дарит и добро.
Быть живым, душой не чёрствым –
Нам учиться у него.

Ключ-родник журчит, бормочет,
Говорит о чём-то нам,
А понять его захочешь... –
Жить душою должен сам.

Он тогда тебе откроет
Свой секрет и правду всю
И поделится с тобою,
Где берёт он доброту.

Ключ расскажет без утайки,
Как добро другим дарить,
Без кнута и без нагайки,
Как нам, людям, нужно жить.

Россия

Россия, Родина моя,
Прости меня, прости, как сына.
Судьба моя... – её вина,
Она с тобою разлучила.

Родился я в твоей глуши.
Сибирь была мне добрым домом.
И часть моей живой души
Осталась на её просторах.

Мне не хватает тех времён,
Полей, лесов и снов... и звуков.
Чтоб памяти прервался плен –
Свозить в Сибирь мне надо внуков!

Буревестник

Странник вечный, буревестник,
Режет пену, моря пыль.
Он не просто бури вестник,
Он как сказка. Нет! Он – был.

Злому шторму – он ровесник.
Урагану – как родной.
Образец – свободы, чести.
Дружит с ветром и волной.

Где берёт свою отвагу
Одиночка-мореход?
Разгадаете загадку –
Он с собою вас возьмёт.

Стишки

Стихотворенья – у поэтов!
А у меня – всего стишки.
Мне пальцем ткнули: «Глянь на эти,
Они банальны и пошлы».

Щелчок по носу по заслугам.
Зачем задрал я гордо нос?
Но снова шепчет мне на ухо,
Судьба-шалунья: «Ты мне брось!»

Назад дороги нет, ты будешь,
Как вол тащить сей воз всегда.
А коль свой груз в пути ты бросишь –
Не жди пощады никогда.

Я обреку тебя на муки!
Заставлю бегать в колесе!
Тебе не буду я подругой!
Гореть, сгорать тебе в огне!»

Подранки

Подранки-детишки,
Девчонки, мальчишки,

Войны злой отходы,
Стоят – по дорогам:

«Подайте же люди,
Своим детям руки».

Стоят – голы, босы.
В глазах их вопросы:

«Вы, взрослые люди,
Как жить дальше будем?

Как хлеб вы жуёте?
Как спите, живёте?

Не снятся кошмары?
...очнуться – пора бы!»

Проделки весны (шутка)

Дворик деревенский наш
Совсем сошёл с ума.
Утром, прихватив свой плащ,
Ушёл гулять в поля.

Солнце трёт, всё трёт бочок
О крашек весны.
Лес, как молодой бычок,
Бросает ввысь хлысты.

Пляс столбы заборные
Под музыку ведут.
Домики пчелиные,
Все встали дружно в круг.

Улица поехала.
Телега вслед глядит.
В небе, как по зеркалу,
Гуськом бредут скворцы.

Гуси краснобровые
В сапожках на меху,
Как князя чопорные,
Крикливо речь ведут.

Люди хмуро морщат лбы:
«Порядка в мире нет».
Это – лишь игра весны,
Она свой пир ведёт!

Соседка

Вид надменный. Недотрога.
И серьёзна, и строга.
Ходит, словно королева.
«Почему же ты одна?»

Исподлобья, глянув хмуро,
Мне ответила она:
«А к чему упрёки мужа?
Лучше буду я одна.

Я свободна. Жизнь мне в радость.
С кем хочу – в постель иду.
Ну а коль наступит старость,
Помощь я найти смогу».

И рукою взмах небрежный:
«Мне пора... дела... дела».
Есть в соседке твёрдый стержень,
Но в глазах, как лёд – тоска.

Плеть

На Восток, на Запад,
Север или Юг,
Всё бегом, галопом,
Мысли врозь бегут.

Нету им покоя,
И не может быть,
Коль в нахлёт и вдвое –
Их стегает плеть.

Плеть та не из кожи.
Жжёт сильнее огня.
Да ещё, к тому же,
Глазу не видна.

Всё сечёт до боли,
Давит душу плеть.
Эх, тоска по воле,
Ты – страшна, как смерть!

Бунт
(басня)

Числа взбунтовались,
Шум, да крик, да гам.
Всё перемешалось,
Хаос по рядам.

Ноль и единица –
Спор ведут крутой:
«Баста! Я – царица!
И – никто другой».

Ноль, с усмешкой хитрой,
Лезет наперёд:
«Ты – лишь кол заборный,
Дай-ка задний ход».

Да, морали в споре –
Просто не видать.
«Числа – ваша доля,
Место своё знать!»

Пилигрим

Пилигрим дорогу –
Выбирает сам.
Не зовёт подмогу –
Коль в пути устал.

Пусть носок дырявый
И сапог не цел,
Посох весь трухлявый,
Плащ потёрт и мал.

Пилигриму это
Не грозит бедой.
Он живёт надеждой.
Дружит он с мечтой.

Моя река

Волны бьют. Зло хлещет ветер.
Словно горы берега.
Защитить мне душу нечем,
И несёт, несёт Река.

Вновь мелькают грозно скалы,
А друзей простыл и след.
Но спасенья проблеск малый –
Всё не гаснет, всё живёт.

Да, разумным стать, наверно,
Мне давным-давно пора.
Но не хочет тихо, мирно,
В русле течь моя Река.

Всё кипит, бурлит, хлопочет,
И покоя не даёт.
Унести куда-то хочет
От обид и злых невзгод.

Кнут

Передали, что я плут,
Да смешон при этом,
И скучает крепкий кнут
Уж давненько где-то.

Хочет кнут по мне пройти,
Вправить ум на место:
«Оглядись, посторонись,
Не то – будет грустно».

Рассмешили меня враз!
Но, чуток обидно...
Не в самом кнутах ведь злость –
В том, кого не видно.

Ливень

Гром протяжно охнул где-то,
Бормотнуло эхо вслед.
Вмиг не видно стало неба,
И светила лик исчез.

Тучи шторм построил цугом
И надул им паруса,
А затем и горизонту
Затуманил чуть края.

Капли громко, словно градом,
Застучали по земле.
Ливень хлынул водопадом.
Лето здесь! Конец весне!

Весеннее пожелание

С добрым праздником весны
Вас я поздравляю.
И от всей, от всей души,
Многого желаю:

«Я желаю вам добра
И здоровья тоже.
Пусть к вам счастье навсегда
Путь прямой проложит.

Пусть родные никогда
Вас не позабудут.
И, конечно, пусть друзья
Верными вам будут!»

И ещё позвольте мне
Высказать желанье:
«Солнце светит пусть везде!
Пусть уйдут страданья!»

В гостях

Одурманен, очарован
Красотою чудных мест.
Я парю, как околдован,
Средь прекрасных див-невест.

Хороводы водят дружно.
В ряд красавицы стоят.
Шепчут что-то мне на ухо.
Вслед серёжками дрожат.

Эх, подруги! Эх, невесты!
Хорошо у вас в гостях.
Белоствольные берёзы
И во сне к себе манят.

Невидимка

Нам художник на картине
Дождь покажет, сильный град.
И наглядно, как в витрине,
Всё расставит в ровный ряд.

Нарисует хлеб и вина,
Города, людей, поля.
Расположит на картине
Много разного зверья.

Нам в кино покажут ясно,
Как любить и умирать.
Комментариями, сочно,
Эпизоды все снабдят.

Невидимку, нашу душу,
Нам не могут показать.
Мы должны сей груз и ношу –
Сами Богу передать.

Упрёк

Я буду не в обиде,
Упрёк коль бросят мне:
«По свету он поездил.
Кривой оставил след.

Бывал в нетрезвом виде.
Горел, как мотылёк.
С судьбой играл, а людям –
Немногим он помог.

Парил он, жил на небе,
В объятьях грёз и звёзд.
Немало душ обидел.
Пролил он море слёз.

Мечтал он стать поэтом,
А был лишь пастухом.
Носился вслед за ветром.
В лесу бродил с ружьём».

Конечно, правы люди,
Я – раб своей души.
Пусть первый камень бросит,
Кто сам не согрешил.

Сильные люди

В руки брали мы немало:
Камень, лук, потом ружьё.
Мало, этого нам мало...
Что бы выдумать ещё?

Пулемёты. Огнемёты.
Хорошо играть в войну.
Пушки. Лазеры. Ракеты.
И планета вся в дыму.

Веселимся. Каннибалим.
Всё разносим в пыль и прах.
Мы сильны. Мы все из стали.
Мы повсюду – сеем страх.

Следы

Не видно в зеркале души,
Как ты за нею не следи.
Она ж, всем бедам вопреки,
Бесшумно, тихо, говорит:

«Шагай по жизни. И живи...
Но совесть ты в дугу не гни.
В беде чужому помоги.
И в мир добро, любовь неси.

Неси, дари себя, как жар.
А злой войны – туши пожар.
И след, всех дел твоих следы
Увидит весь народ земли.

Весна

С высоты нас манит солнце:
«Веселей шагай, дружок»!
В каждой лужице, на донце,
Виден солнышка зрачок.

Греет луч, теплом щекочет,
Будоражит кровь, нахал.
На заборе буйный кочет,
Как боец, на стражу встал.

И весна свой тёплый натиск,
Половодьем вширь несёт.
Дарит нам – тепло и радость,
Птичьим голосом поёт!

Война

Хиросима! Нагасаки!
Весь в руинах Сталинград!
И опять идёт атака.
Бомбовозы встали в ряд...

Нам история – наука!
Но не смотрим мы назад.
Пламя бесится в Нью-Йорке.
И горит, горит Багдад.

Рёв снарядов, воют бомбы,
На прицеле снова мир.
Миллионы жизней, монстры,
Вновь пускают на распыл.

Дети, женщины, как крысы,
В норы прячутся опять.
По Ираку – море крови!
И в Техасе – плачет мать!

В сельском доме летом

Солнце глянуло в окошко,
Осветило всё на миг.
Кошка тихо, осторожно,
Подхватила света нить.

И с досады за свой промах,
Нос убрала под бочок.
Тихий шелест, слабый шорох:
Штору тронул сквознячок.

Соловей пропел со стоном
На дворе напев лихой.
И опять наполнен звоном...
Тишины... весь дом родной.

Новые господа
(сатирическая шутка)

Господа доктора
Вновь идут на бой.
Бьют пером, как всегда,
Всех, кто им не свой.

Кто же жертва для них?
Ясен, прост вопрос:
«Кто к стопам не приник —
Тот изгой для нас».

Да, умны доктора,
Словом их не взять.
На чужих свысока
Любят поплевать.

Доктор вновь, на коне
По газетам мчит.
Он и в новой стране,
Путь себе пробьёт.

Но вопрос мы ему
Всё ж должны задать:
«Чем, когда и кому
Он успел помочь»?

Вся мораль на виду,
И не надо слов,
А всё лишь потому —
Не свершил делов.

Человек

Шёл, всё шёл он одинокий,
Сквозь столетья и года.
Путь нелёгким был, тернистым:
Голод, звери, холода.

Строил он дворцы, казармы.
Самолёты запускал.
Замахнулся и на звёзды.
На луне он побывал.

Жаль, что разум, здравый разум,
Человека вдруг подвёл:
Он оружие, грозный атом,
Всем на горе, изобрёл.

Машет страшною дубиной
И грозитя, как вампир:
«Я большой, на всё способный.
На дыбы поставлю мир».

Немой крик

Строгий проводник
Дверь прикрыл спиной.
Жалобный гудок –
Взгляд печальный твой.

Милое лицо –
В памяти моей,
Встало за стекло,
Как клубок теней.

Мчатся провода.
И столбы стеной.
Вот и навсегда
Мы ушли с тобой

В мир, где нет тех чувств,
Чем жива душа.
Крик неслышимый ввысь:
«Не бросай меня».

Взгляд

Я прошу тебя:
Не гляди мне вслед.
Как порыв огня,
Жалит, жжёт твой взгляд.

Не виновен я
В том, что нет любви.
Где её, когда
Потеряли мы?

Уронили там,
Где найти нельзя.
Худо, плохо нам,
Душит боль, беда.

Летний дождь

Дождь всё льётся и клокочет,
Брызги на стекле.
И негромко гром грохочет,
Глухо, вдалеке.

Дети с хохотом, по лужам,
Мчатся напролом.
Дед, седым дымком окутан,
Машет мундштуком:

«Эх-ма, язва-непогода,
Ломит кости все.
Было время... и охота
Выпить при дожде».

Солнце взгляд упёрло в лужи.
Краски! Красок взрыв!
Небо радугу, как пажа,
Ставит в туч разрыв.

Воробей

Воробей-насмешник
Под дождём сидит.
На скворца скворечник
Грустно он глядит.

«Эх, вы люди, люди,
Как не стыдно вам?
Вас же не убудет,
Помогите нам!

Вы дворец готовы
Всем скворцам создать.
Им – любовь, заботы.
Нам же: «Гнать их, гнать!»

Вы неправы, люди!
Мы не враг для вас.
Знают даже черви –
Острый клюв у нас.

Будьте же разумны,
Не гоните прочь.
Мы в саду и в поле
Рады вам помочь.»

Толпа

Толпе – веселье, потеха,
Мечтателя думы, боль.
«Не схимник, бес он, повеса,
Такого в костёр, на кол».

Толпы звериная сила –
Сильнее, чем яд, огонь.
Крушила мысли, казнила,
Им злобно плевала вдогон.

Мечтатель крест тяжкий, мысли –
Рождает, растит в себе.
Его ранимые дети –
Страдают в большой толпе.

Боль земли

Я вижу как земля,
Кормилица родная,
Изгаженная вся,
Всё терпит и страдает.

Я вижу боль небес
И судороги моря.
Неужто правит бес
Нас к чёрному порогу?

Творим свои дела,
Всё рубим, жжём, взрываем.
Не надо здесь ума,
Здесь дьявол помогает.

Наш разум, что нам Бог
Вручил не для забавы,
Мы просто за порог...
А миром правят бомбы.

А дальше как же жить?
Что скажут нам потомки?
Им быть или не быть?
Оставим им осколки?

Я – малый человек

Я – малый человек,
Хоть ростом не обижен.
Иду, лечу сквозь век
И очень много вижу.

Я вижу – вот пижон,
Намылив чёлку гладко,
Всем скалится вдогон...
Противно, скверно, гадко.

Я вижу – вот подлец,
С умильной сладкой миной,
(Сосулька-леденец)
Нож сунуть хочет в спину.

Я вижу – верный друг,
Без крика, без базара,
На выстрел и на клык
Всей грудью! Без обмана!

Учёные мужи
(шутка)

Как жаль мне вас,
Учёные мужи!
Очки на нос...
А стёкла в них черны.

Вам мир живой –
Неясен, как туман.
И в жизни сей –
Для вас всё – лишь обман.

Не видно вам –
Красот и красок всех.
И к облакам –
Не мчаться вам во снах.

Обижены –
Учёностью своей.
Но нет вины
Судьбы здесь никакой.

Ведь шоры те
Надели сами вы.
И вот теперь –
Глухи вы и слепы.

Вы шоры те –
Снимите, господа.
Увидите –
Свет! Мир! Красоты дня!

Половодье

Половодье! Половодье...
Всю смывает грязь и муть.
Да, пора бы половодью –
По народу полоснуть.

Половодье пусть с собою
Забирает в глубину,
Всеми волнами, водою,
Скупость, фальшь и глупость всю.

И ещё пусть оно смоем –
Всю коросту старых ран,
Что мешает, всё мешает,
Говорить... и... – слышать – нам.

Обиды

На бегу, глотая слёзы,
Мальчик мчится, как шальной.
Вновь обидел его кто-то.
Он бежит, бежит домой.

Дома мама слёзы вытрёт,
Поцелуем снимет боль.
Погрозит и громко скажет:
«Плох тот дяденька чужой».

Утешенье и защиту
Снова мальчик наш нашёл.
И, забыв про все обиды,
Он опять к друзьям пошёл.

Ну, а нам, большим и взрослым,
Как обиды позабыть?
Как нападкам грубо-злостным –
Путь к душе своей закрыть?

Открытый дом

Пусть люди к вам приходят в дом
И пусть их много будет.
Но пусть не будет гость врагом,
А другом верным будет.

Пусть двери в мир большой,
Открыты настежь будут.
И стол семейный, как на той,
Всегда накрытым будет.

Пусть люди ходят к вам домой
Лишь выплакать вам душу.
И вы откройтесь всей душой,
Делите с ними ношу.

А если вдруг в ваш дом беда,
Надумает прокрасться.
Стеной пусть встанут все друзья –
Вернут вам радость, счастье!

Крик

Где-то, где-то, где-то в небе
Птица жалобно кричит.
Видно на земле ей негде
Горе, боль свою излить.

И призывен, и тревожен,
Крик тот птичий с высоты.
Эхом утренним умножен,
Он звенит – как знак беды.

Перестань же плакать птица.
Усмири свою печаль.
Но несётся крик! Несётся!
Слышно в нём – потери боль.

Свобода

Угодить мне как народу,
Показать, что я же свой?
Но беда – люблю свободу!
Не хожу я под дугой!

Шумно в городе и тесно.
Люди бродят здесь гурьбой.
Ну, а мне – неинтересно.
Не хочу я быть толпой.

Мне по нраву степь и ветер,
Горький запах – трав, земли.
Не похож на всех я этим.
Тяжко жить мне – взаперти!

Я на волю, на просторы
Убежать готов пешком.
Оседлать бы ураганы!
Улететь за горизонт!

Люди скажут
(шутка)

Люди скажут, перескажут –
Вслед тихонько поплюют...
С головой всего измажут,
Хоть бросайся сразу в пруд.

Если выплыву – несчастье...
Снова под бока возьмут.
Вновь измажут в одночасье
И ныряй по новой в пруд.

Буду я тонуть – так скажут:
«Ох, хитрец, ведёт игру».
Ещё пальцами укажут:
«Да ныряй уж в глубину».

«Флейта»

Дождь завесой! Дождь стеной!
На дороге скользко.
Кто-то гонится за мной
И кричит мне громко:

«Не туда совсем идёшь,
Ты сверни в сторонку.
Много на себя берёшь,
Ты возьми шарманку.

И ходи по миру ты
С этим инструментом.
Ручку ты – крути, крути, –
Под аплодисменты.

Развлекай народ-толпу –
Музыкой простой ты.
И забудь свою мечту –
Подружиться с «Флейтой».

«Золотая Флейта» так –
Просто не даётся.
Глупый, ты, мужик-чудак, –
Насмерть расшибёшься!»!

Пурпур (цветная картинка)

Все деревья плотно,
Как стена стоят.
Солнце неохотно,
Мечет в тень свой взгляд.

Стая мухоморов,
Шляпами блестя,
Прямо с косогора,
Смотрит на меня.

Вон ещё красавец.
Чудо... франт – франтом!
Эх! Пижон-спесивец,
Весь горит огнём.

Шляпа вся пурпуром –
Сверху залита.
Этим ярким цветом...
... красить паруса!

Грин, наверно, видел
Тьму таких грибов
И роман задумал
«Алых Парусов».

А Ассоль упруго,
Ради красок тех,
В пену волн шагнула,
Прогоняя страх.

Бард

Вожжами его, вожжами!
Да круче к хребту тянуть.
Не хочет коль быть он с нами...
Так нужно его – согнуть.

Коленями, носом – в жижу,
Понюхает пусть навоз.
Посыпать и раны солью...
Протянет его – «мороз».

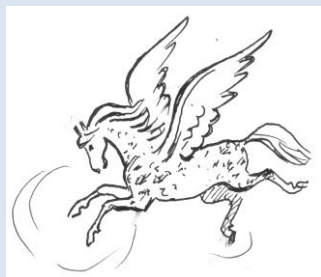
Быть может, он поумнеет
И станет таким, как все.
Снабдим цветной ливреей,
Подчистим всё в голове.

Приманкой певца приручим.
Почтительным станет к властям.
Примером он будет лучшим –
Упрямцам и гордецам».

А что же наш горемыка?
Исправили впрямь его?
Беда с одной закавыкой:
Гордыня прёт из него.

По самые ноздри в грязи,
Своё долдонит опять:
«Я буду петь свои песни.
Иначе не стоит жить!

Не надо меня и в князи.
Зачем мне галстук и фрак?
Живыми должны быть песни!
Чтоб пел со мной... – даже враг»!

Крылатый конь

Я пришпорил коня!
Оказалось... – стреножен.
Не несёт конь меня.
Он скакать ведь не может.

Ноги-крылья коню,
Повязали железом.
Мне пришлось одному,
В даль бежать вслед за ветром.

Эх, ты конь, птица-конь,
Золотая уздечка.
Всё глядит мне вдогон,
С философской усмешкой:

«Ты зачем, человек,
Меня мучил напрасно?
Не один уже век –
Величаюсь Пегасом.

Но такие, как ты –
Мне железо одели.
Нет моей здесь вины,
Что закованы крылья.
Я летал над землёй,
Я парил в поднебесье.
И не знал я покой,
Всё дарил людям песни.
А теперь, видишь сам,
Я опутан, стреножен.
Не лететь к небесам...
Будь и ты – осторожен!»

Хрустальный Дом

Тот строит дом кирпичный.
А этот – из песка.
Поэт куёт хрустальный,
Из серебра-стекла.

Кирпичный дом навечно.
Песчаный – лишь на день.
Хрустальному, конечно,
Не меряно времён.

Кирпичный дом надёжный,
В нём долго можно жить.
Совсем не так песчаный –
Лишь до дождя стоит.

А как же Дом Хрустальный?
Что в жизни ждёт его?
Удар под бок кувалдой –
И зазвенит стекло?

Но можно и погладить,
Любовно протереть,
На пьедестал поставить –
Он станет жить, блестеть!

Кочевник

Не прижился на месте.
Всё качусь по земле.
При любой непогоде,
Как гонец, я в седле.

Хлеба черствый кирпичик
И бутылка вина,
К ним блокнот в сто страничек –
В рюкзаке у меня.

Всё брожу я в потёмках,
Светлый день мне, как ночь.
По вселенским задворкам –
Побродить бы не прочь.

Кто я есть в нашей жизни? –
Лишь осколок времён,
Что, как облако пыли,
В этот мир занесён!

Потери

Убивать свои чувства –
Я умею давно.
Ну, а выразить вслух их –
Видно мне не дано.

Голос сохнет и глохнет
И язык будто кол,
Когда горем охватит –
Снова близкий ушёл.

Он ушёл не на время,
Навсегда ведь исчез.
Нелегко это бремя,
Жизнь идёт вперекос.

Вновь уходят! Уходят
И друзья, и родня.
побежать бы вдогонку,
Но я знаю – нельзя!!!

Фантазия рифмоплёта
(шутка)

Расшумелся наш поэт:
«Весь народ не так живёт».
Расхрабрился. Прямо невмочь.
Чем бы бедному помочь.

Всё напрасно. Он совсем
Улетел из всех времён.
Никого не признаёт
Всё поёт, поёт, поёт...

Что наш мир – сплошной обман
И что где-то, где-то – там
Он нашёл сей уголок –
Где он нужен всем, как друг!

Где народ не знает бед!
Где нет войн и нет побед!
Сеют, жнут там без границ,
А не смотрят из бойниц...

И не знает там народ
Ни орудий, ни ракет.
Мир, согласие везде.
Недостатка нет в еде.

Что за сказки нам плетёт,
Этот горе-рифмоплёт.
Невозможно мир найти –
Не бывает где – войны.

Письмо критика в газету
(шутка)

Отобрать, конечно, надо,
У писателей перо.
Слишком вольно, просто нагло –
Все используют его.

У писателей под кожей,
Видно зуд какой-то есть.
И, наверное, к тому же
В голове пустот не счесть.

Разойдутся так порою,
Что удержу на них нет.
И пером, словно трубою,
Вздуроражат белый свет.

Пишут сказы и романы,
А кому они нужны?
Нам по нраву лишь стаканы,
Что по краешек полны.

Взбаламутят население
Небылицею пустой.
Их бы взять на испытанье,
Есть ли прок от них какой?

И властям, большим и малым,
Есть резон указ издать:
«Всем писакам-пустословам,
Перья в руки не давать»!

Зов

Эх! Бегу я, бегу и бегу...
И проснуться никак не могу.
Зов какой-то всё мучит меня,
Жжёт сильнее, чем струи огня.

Он куда-то всё время зовёт:
«Ты шагай веселее вперёд.
Не валяйся в подушках, в тепле.
Волю дай, и свободу, – себе.

Коли сам не умеешь летать,
Так зачем же и душу – под ключ?
Всё ты держишь все чувства в узде.
Ну, а ей каково, ей, – душе?

Ты погубишь живое зерно.
Не сумеет ведь выжить оно,
Под замком и под гнётом таким.
Дай же волю – порывам своим»!

Вихрь звёздный

Любовь стара – как мир!
Овеяна словами.
И Пушкин, и Шекспир –
Украсили стихами.

Написаны тома –
Про все любви походы.
Но всё она жива.
И будет жить все годы,

Покуда человек –
Души тепло имеет.
И электронный век –
Убить любовь не смеет.

Огонь любви горит!
И не мешает возраст.
Не тлеет! Не чадит!
Силён – как вихрь звёздный!!!

По оврагам

По оврагам-буеракам –
Наши люди не живут.
Место здесь – зверью, пернатым...
Жизнь спокойную ведут.

По оврагам-буеракам –
Нет тропинок и дорог.
Не обжиты человеком.
Здесь растёт чертополох.

По оврагам-буеракам –
Душно, страшно, просто жуть!
Всё же я хотел бы жить там,
От забот всех отдохнуть.

По оврагам-буеракам –
Может место я найду,
То, что будет мне по нраву,
Где я выспаться смогу.

Там здоровый и спокойный
Сон Всевышний мне вернёт.
И проснувшись, всем довольный,
Вновь отправлюсь я в полёт.

Полечу я в мыслях снова
В мир – где радостей полно,
Где „Волшебная Подкова“
Улыбнётся мне в лицо.

Ранние росы

Поутру, когда солнце встаёт,
Из алмазов ковёр расцветёт.

Серебро на земле. Серебро.
Цветом радуги блещет оно.

Так роса, удивляя весь свет,
По траве расстилает свой цвет.

Спектром красок заполнит весь мир:
Здесь янтарь и рубин, и сапфир.

Краски ярко, как звёзды горят.
Только в руки нельзя вам их взять.

Вмиг поблёкнут. Водю стекут.
Растворятся и в землю уйдут.

Жаль исчезнет росы красота.
Нужно нового ждать вам утра.

С неба звёздные краски придут –
Росы снова свой цвет наберут.

Поклон Азии моей

От Европы вдали,
По-над Азией милой,
Бродят мысли мои,
Чередой торопливой.

То в деревню зайдут.
То промчат по-над степью.
По лесочку пройдут,
Проскользнут лёгкой тенью.

Дом родной навестят.
Поскорбят у могилы.
Ширь полей оглядят.
Пробегут по пустыне.

По горам, налегке,
Пролетят быстрой стаей.
И друзей, во дворе,
Тронут влажной щекою.

Приласкают всех, всех –
Лёгким, ласковым бризом.
И тихонько, не вслух,
Всем прошепчут над ухом:

«Вольной Азии сын,
Из Европы далёкой –
Шлёт вам низкий поклон!
Самый низкий! Глубокий!»

Годы-будни

Годы-будни, словно звери,
Всё грызут, грызут меня.
Расставания... Потери...
И не видно им конца.

Жизнь экспрессом мчится мимо.
Дразнит, красками маня.
«Словно из окна картина» –
Жизнь проходит у меня.

Где, когда та остановка,
Что конечной станет мне.
«Эй, красавица-цыганка,
Погадай-ка при луне».

И цыганка, глянув хмуро,
Мне ответ такой дала:
«Плохо, дядя, твоё дело.
Коротка твоя судьба.

Не живёшь ты, а витаешь,
Как ребёнок, в облаках
И того ещё не знаешь,
Что сгоришь в своих мечтах».

Эх, гадалка, ты, гадалка,
Не дано тебе понять...
Я хочу сгореть, как вспышка,
А не медленно сгнивать.

Потерянная Картина

Лежит, как память вечного.
Одна. И без подруг.
Сказать ей людям есть чего,
Но пусто всё вокруг.

«Ведь было раньше весело.
И шумно, и светло.
Потом, рукой не девичьей,
Тык... в грубое рядно.

Пеньковой верёвкой
Примяли красоту.
Пошло затем, поехало,
Всё вкось и в кривоту.

Все лаются, ругаются.
Дорога – не дай бог.
Страдания не кончаются –
Проткнули ломом бок.

Верёвка режет, как ножом,
Изъела все бока.
Сундук, наглец, углом своим,
Все краски ободрал.

Тугой, злой узел съехал вверх...
Лечу!.. Лечу!.. Лечу!..»
Лежит – как память вечного.
Лицом к луне. В снегу.

Спираль

Было время не во сне –
Жизнь несла, как по спирали.
А сегодня ясно мне
От меня – другого ждали.

Я прошу меня простить
Всех, кто был со мною близок.
И молю – не надо бить.
Я живой, не злобный призрак.

Если я кого задел
Словом, делом, ненароком –
Извините! Не хотел!
Не судите слишком строго.

Круг

Замыкая жизни круг,
Набираю в парус ветра.
Не вбивая в землю крюк
Я лечу, лечу по свету.

Где-то, где-то там, вдали
Свет горит. Горит Вселенский.
И мечты, как скакуны,
Вновь уносят в сказку-детство.

И ведёт меня тот Свет
Целый век по морю-жизни.
Манит издали. Влечёт.
Говорит мне: «Не спеши ты...»

В кругу друзей (16.11.2014. Омск. Гостиница «Аврора»)

Не лукавя мудро
Выскажусь вам так я:
Просыпаюсь утром...
Дома я? В гостях я?

Хорошо, уютно
Я живу в Авроре.
Побывал как будто
Я в отцовском доме.

Благодарен людям,
Что со мной здесь были.
Навсегда пусть будет
Счастье им при жизни!

Падать и подниматься

Бегу. Падаю и спотыкаюсь.
Каждый раз с земли я поднимаюсь.

Все с укором мне глядят вдогонку:
«Пьёт не квас он, пламень-самогонку.

Видно сразу по его походке,
Что не враг он горькой крепкой водке.

И когда он станет человеком?
Будет век он заниматься пьяным бегом?»

А я падаю вновь. Спотыкаюсь.
Виноват я. Но всё же не каюсь.

Убегаю от всех, от себя я.
Не живу, а всегда догоняю...

Великие

Есть каста «Великих» у нас.
Про Фрейда умно глаголят.
Преумный ведут рассказ,
На классы всех делят-множат.

Умело плетут монолог
С высоких и больших трибун.
Их словом попробуй-ка тронь,
Трибуна враз станет – редут.

И залпами громких словес
Громить будут всех и вся.
Грозить станут карой небес.
Перечить Великим - НЕЛЬЗЯ!

С юбилеем тебя «Новые Земляки».

Газетой родилась на свет,
А имя дали «Земляки».
Журналом стал на радость всем.
Не зря такой ведь путь прошли...

Идёт на смену новый век
И годы, месяцы летят.
Журнал – не хилый человек,
Ему и годы не вредят.

Вот снова набирает сил,
Блестящим он и модным стал.
Живите долго «Земляки»!
Служите людям – как Кристалл!

Двадцатый век

Весь век двадцатый, тяжёлый,
Отмечен знаком большим.
Российских немцев особым:
Свой крест нести им самим.

Не в августе ведь проклятье.
Не в днях и не числах суть.
Империй больших «Объятья» –
Умеют ломать и гнуть...

А наши «активы» чинно,
Весь август с больших трибун,
И громко, и очень длинно,
Несут всякий вздор: «Ку-Ку...»

За ними нет веры, смысла,
А боли в помине нет.
Гнать всех, большим коромыслом,
Всех тех, кто несёт лишь бред...

Поэту

Велик был в письменных делах,
К себе по жизни не так строг.
Тонул, как в тине, он в долгах,
Но был при этом богом строк.

Хлестал словами по чём зря
Своих, чужих не в бровь, а в глаз.
Жалел при этом лишь себя,
Как будто видел тайный знак.

Косил и прозой, и стихом,
Не просто к смеху, наповал.
А вот убить простым ружьём
Врага, Бог сил ему не дал...

Упал, сражённый пулей злой,
На снег прилёт, как отдохнуть.
Проститься смог ещё с женой,
Прощенья попросил. И в путь...

Поиск истины

Да! В поисках истин,
Всё рыщут в архивах –
Лингвисты, стилисты,
Но не пушкинисты.

Их письма тревожат
И думы их гложут:
Кто строк этих автор?
Что скрыто за тайной?

Да! Пасквиль известен,
Повтор неуместен...
Кому отнести их?
На гроб чей сложить их?

И время созрело.
Пусть больно, но честно.
Вопрос? Нет, загадка,
Узнать надо правду...

Лингвисты, стилисты,
Но не пушкинисты:
Скажите нам честно –
Кто автор сих «Текстов»?

Болтун (шутка)

Болтун, ходок и задира...
Эпитетов не сосчитать.
В потеху и для блезира,
Любую готов оболгать.

Дурил он женщин немало.
Старушек богатых – не в счёт.
Влюблялся порой. Бывало.
Но это не брал он в серьёз.

Забава, игра для вида.
Использовать всю до конца.
Потом: «забросить в корзину,
Сгодится, быть может, когда».

И плачут вдогон иные:
«Ах, бросил меня ведь подлец».
А зря! Пока вы живые –
Рубите с альфонсом конец...

Не зря говорят в народе:
«Болтун изнутри весь гнилой.
Такому – место в загоне,
Баран где ночует с козой».

Гном (Басня)

Мчится по миру наш гномик,
Позабыв родной свой домик.
Всем мешками деньги возит,
Громче всех при этом вторит:

«Демо Кратия – Девиз наш!
Всем, кто против: „Рот закрыть ваш “.
Мы по миру возим пышки!
Не за нас кто – тем лишь шишки...»

А своим что остаётся?
«На воде пусть перебьётся...
Нагуляли жир немало,
Растрясут пусть лишки сала...».

Рот – что бантик! Зад – пучками!
Наш министр – сродни цунами!
Всех побьёт, потопчет разом.
Только жаль, профукал разум.

Мораль сей басни нам ясна,
И гул всем – слышен прекрасно:
Да! Народ министру не рад.
Получи, с размахом, под зад...

Культура (Басня)

Решают вопросы, задачи –
В культуре у нас плюрально.
Нельзя подходить ведь иначе –
К делам всегда актуальным.

Писателям нашим, поэтам –
Тут места просто не дали.
Им власти где-то, где-то, где-то –
Отдельный «Приют» создали.

Высок тот заборчик в «Приюте»,
А вход ограничен «честно...».
А быть в нём совсем неуютно,
Тем – жить кто желает в **Чести**.

Мундиры! Ливреи и Маски!
И яблоку упасть негде.
Даруют своим всем здесь ласки,
Но петли ставят умело.

Здесь хваткие парни умеют,
Да и дамы не прочь тоже,
Так мастерски, как лицедеи,
С соперников спустить кожу.

Мораль этой басни простая:
Ты лезь, но молчком, к Мундирам...
Причёска должна быть крутая.
А нос? Цветной! Как картинка!

Переселенцы

Мы формально – Европейцы!
Но и Азия что-то дала...
Не видать его. Не взвесить.
Нас поступки выдают. Дела.

Может ветер шальной, вольный
Нам всем свойства такие напел,
Что мы чувство чужой боли,
Как ожогом принимаем тел.

Азиаты мы, ребята,
Пусть частицей лишь малой своей.
Родились мы все, когда-то,
В азиатской глухой стороне...

«Аз воздам» (шутка)

Перед тронем, чуть в наклоне,
Ряд политиков стоит.
Повелительно и строго,
«Царь», тем снизу, говорит:

„Знаю, воли вы хотите.
Не могу сказать я вам –
Сколько надо вы берите...
«Брат» ещё декрет не слал.

Правда, всё ж совет он дал нам:
«Править должен капитал!
Фантиков нашлѣпать надо!
А иначе – Аз воздам».

РАЗНОЦВЕТ 1

Содержание

Нумерация стихотворений		Страницы
	Название / Посвящение	1
	Предисловие / Д-р Венделин Мангольд	2-4
	Стихотворения / Мой родник	5
1.	Терпения нет	6
2.	Мальчишка	7
3.	Деревня ты моя	8
4.	Дети Пушкина	9
5.	Дом	10
6.	Время	11
7.	Встреча с Байкалом	12
8.	Небо опрокинуто	13
9.	Интересные вопросы	14
10.	Поход в прошлое	15
11.	Память	16
12.	На астраханском базаре	17
13.	Поэтам	18
14.	Прогулка к морю	19
15.	Наплеватель	20
16.	Пройдоха	21
17.	Борозда	22
18.	Когда	23
19.	Фуршет	24
20.	Мэтры и Мэтрицы	25
21.	Загадка	26
22.	Изгнанные	27
23.	Конёк-Горбунок	28
24.	Ель, сосна, берёза	29
25.	Гость нездешний	30
26.	Синь-Птица	31
27.	Мнения	32
28.	Ввысь	33
29.	У запертых дверей	34
30.	На реке	35
31.	В дорогу	36
32.	1 сентября 2004 года	37
33.	Путь	38
34.	Жук и бабочка	39

35.	Обрыв	40
36.	Стадо	41
37.	Ромка и подпасок	42
38.	Журавли	43
39.	Му'ка	44
40.	Колхозник	45
41.	Дом скворчонка	46
42.	Кража	47
43.	Вопрос	48
44.	Разговор с веком	49
45.	У могил безымянных трудармейцев	50
46.	Миг счастья	51
47.	Подайте коня	52
48.	Песня Анны	53
49.	У озера	54
50.	Вьюга	55
51.	Конь-Птица	56
52.	Первый снег	57
53.	Птицы	58
54.	Нет замены	59
55.	Узда	60
56.	Одинокий ветер	61
57.	Беспорядок	62
58.	Хор ветра	63
59.	Мечты	64
60.	У пустоши	65
61.	На полянке	66
62.	Долги	67
63.	Не забава	68
64.	Лиса и семья	69
65.	Раздумья	70
66.	Живность и человек	71
67.	Под зонтом	72
68.	Любовь и ревность	73
69.	Человек меняет кожу	74
70.	Школа	75
71.	Услужила память	76
72.	Скорлупа	77
73.	В колхозе	78
74.	Ветерок	79
75.	Родина	80
76.	Звонки	81
77.	Сойка	82
78.	Перепёлка и коршун	83
79.	У реки	84
80.	Вязь	85
81.	Тати	86
82.	Вяз	87
83.	«Игры»	88

84.	Бродяги	89
85.	Трын-трава	90
86.	Ключ Оттилии	91
87.	Россия	92
88.	Буревестник	93
89.	Стишки	94
90.	Подранки	95
91.	Проделки весны	96
92.	Соседка	97
93.	Плеть	98
94.	Бунт	99
95.	Пилигрим	100
96.	Моя река	101
97.	Кнут	102
98.	Ливень	103
99.	Весеннее пожелание	104
100.	В гостях	105
101.	Невидимка	106
102.	Упрёк	107
103.	Сильные люди	108
104.	Следы	109
105.	Весна	110
106.	Война	111
107.	В сельском доме летом	112
108.	Новые господа	113
109.	Человек	114
110.	Немой крик	115
111.	Взгляд	116
112.	Летний дождь	117
113.	Воробей	118
114.	Толпа	119
115.	Боль земли	120
116.	Я – малый человек	121
117.	Учёные мужи	122
118.	Половодье	123
119.	Обиды	124
120.	Открытый дом	125
121.	Крик	126
122.	Свобода	127
123.	Люди скажут	128
124.	«Флейта»	129
125.	Пурпур	130
126.	Бард	131
127.	Крылатый конь	132
128.	Хрустальный Дом	133
129.	Кочевник	134
130.	Потери	135
131.	Фантазия рифмоплёта	136
132.	Письмо критика в газету	137

133.	Зов	138
134.	Вихрь звёздный	139
135.	По оврагам	140
136.	Ранние росы	141
137.	Поклон Азии моей	142
138.	Годы-будни	143
139.	Потерянная Картина	144
140.	Спираль	145
141.	Круг	146
142.	В кругу друзей (16.11.2014. Омск. «Аврора»)	147
143.	Падать и подниматься	148
144.	Великие	149
145.	С юбилеем тебя «Новые Земляки»	150
146.	Двадцатый век	151
147.	Поэту	152
148.	Поиск истины	153
149.	Болтун (шутка)	154
150.	Гном (Басня. 2023)	155
151.	Культура (Басня)	156
152.	Переселенцы	157
153.	«Аз воздам» (шутка)	158
	<u>Экслибрис</u>	159
	<u>Содержание</u>	160-163

